

Мои бабушка и дедушка и со стороны отца, и со стороны матери жили в Прибалтике, в Зарасайе, он тогда назывался Новоалександровск, а потом Зарасай, это Литва. И сейчас он так и называется.

Моего отца звали Шая, Исай Гиршевич. Когда я родился, ему было примерно 30 лет. Я мало что помню, но отец хорошо отзывался о своём отце и матери. Мать была добрая женщина. Отец трудился. Его мать звали Хая Сара. Она умерла до смерти мужа до войны. Она была женщина с добрым характером, готовила еврейские национальные блюда и соблюдала все традиции вместе с мужем. Дедушка Цви Гирш погиб в 1941 году, убит фашистами. Я это узнал от своего двоюродного брата Моисея. Во всяком случае, мне стало известно, что их заставили всех собраться, это почти всё население города Зарасай, в основном еврейское, и фашисты их отвели в лес пешком. Это несколько километров от Зарасая, я потом был на этом месте. В лесу отрыли рвы и их всех расстреляли. Это были в основном пожилые люди и дети. По-моему, их самих заставили вырыть. Но точно, что их всех свалили в этот ров. Я был на этом месте. Там сейчас стоит обелиск. И метров на 100 влево и вправо от обелиска холмики.

Ни одного из дедушек и бабушек я не видел, потому что они были за границей, и возможности их увидеть у нас не было. Тогда поездки за границу не давались, это был как железный занавес. Изредка получали весточки.

Папа ещё до революции из Зарасая поехал на заработки. В Архангельске он стал учиться часовому делу, и уже потом, где-то к революции из Архангельска приехал в Петроград. В детстве он закончил 2 класса начальной школы, наверное, эта школа была еврейская, потому что он мог читать и писать по-еврейски. И потом он научился по-русски. Сперва у него не всё шло гладко в смысле языка, но потом он им полностью овладел. Наверное со своей женой, моей мамой, он встретился в Петрограде. Может быть, они в какой-то степени были знакомы и в Зарасаяе, но встретились они в Петрограде. Возможно были встречи и в Саратове. Она каким-то образом оказалась во время Первой мировой войны в Саратове. Они поженились в 1919 или 1920 году, и старшая сестра родилась осенью 1920 года, в Петрограде.

Особенных рассказов о дедушке и бабушке не было. Просто в доме висели их большие фотографии. Сейчас они, скорее всего, у младшей сестры, которая живёт здесь, в Петербурге. Мы с ней поддерживаем связь.

Моя бабушка с маминой стороны Хася очень похожа на фотографию своей сестры, фотография №2. Я видел её только на фотографии. Когда-то у меня были её фотографии, и может быть удастся их найти. Эта женщина на фотографии №2 – родная сестра бабушки по материнской линии. Эта фотография сделана в салоне.

Я помню, как мы справляли Пасху. Была генеральная уборка, пасхальная посуда, и, конечно, маца и другие еврейские блюда. Я думаю, что эта маца была из пекарни. Мы всё время жили на Васильевском острове на 2 линии. Сперва это была отдельная квартира, потом коммунальная, мы занимали 2 большие комнаты. В квартире было 5 комнат, 4 этаж. Я жил там до 1941 года, до ухода в армию. После армии я жил там только в годы обучения в Военной академии, а так больше уже там не жил.

В 1930 году я пошёл в еврейскую школу. Папа всё время работал часовым мастером. В годы НЭПа у него была мастерская, он работал там один, а потом он работал в часовой артели в Ленинграде, которая обслуживала население. А мама работала продавцом шляп в магазине, она была модистка. Хася, моя старшая сестра, была болезненным ребёнком и не могла помогать маме до своего совершеннолетия. В войну, естественно, помогала. Потом в этой же квартире в 1926 году родилась Лия.

Мы жили впятером в 2 больших комнатах. Это были большие комнаты метров 25-30 каждая. Одна использовалась как спальня для всех, а вторая использовалась как столовая и для занятий. Была большая коммунальная кухня, метров 10. Основными нашими соседями была семья Брауер, это немец, женатый на еврейской женщине, Цимерман. Она была очень больная, но он очень ухаживал за ней. У них была дочка Тамара. Во время войны они умерли от голода, а дочку потом в конце войны выслали из Ленинграда как немку куда-то в район Казахстана. Потом, после войны, она жила в Полтаве, её не допускали в Ленинград на постоянное место жительства, её тётя хлопотала, но так ничего и не получилось. Ещё была еврейская семья Гуткины. Он работал в милиции. У них была дочь Женя. У нас были хорошие отношения, особенно с семьёй Брауер. Он был флейтист оркестра Мариинского театра. А она – больная женщина, домохозяйка.

Я учился в 14 Национальной еврейской школе. Потом ей дали №11 Национальной школы до 1938 года. В 1938 году все Национальные школы были упразднены. Наша школа как таковая осталась, и состав её толком не изменился, но отменили преподавание идиша, он шёл только как предмет, и она стала общей школой №30. У нас была очень хорошая обстановка. Был нулевой класс, потом были все классы с первого по седьмой, потом постепенно стала восьмилеткой, потом девятилеткой, и последние годы она уже работала как десятилетка. Преподаватели были очень высококвалифицированы, большинство с университетским образованием, даже некоторые с иностранным университетским образованием. Директор школы был замечательный человек.

Он руководил детским домом, потому что в этом здании, построенном на благотворительные средства барона Гинсбора размещался еврейский детский дом ещё до революции, а потом в этом же здании стала существовать и еврейская школа, где учились дети этого еврейского дома и приходящие. В детском доме жили дети, которые прибыли из Украины и Белоруссии, в которых начался голод. И прямо эшелонами привозили детей без родителей. Но некоторые дети были из Ленинграда из бедных семей или одиночек. В школе была очень хорошая обстановка, потому что надо было детдомовских детей как-то поднять, доброе отношение было, и приоритет был перед нами, потому что у нас были родители, а у них никого не было. Очень хорошее воспитание. Доброе отношение. Я помню своих учителей. В нулевом классе Роза Львовна Корабейчик, потом в первом классе Анна Лазарева Амперович, потом я помню своего классного руководителя Евгению Захаровну Иоффе. У всех было такое прекрасное, доброе отношение к каждому из нас. Учили нас очень хорошо. Школа считалась одной из лучших школ в городе вообще, а в районе всегда первое место.

Большинство из учащихся школы после окончания поступала в институты и университеты. Некоторые из приезжавших из Украины и Белоруссии плохо владели русским языком, но в школе они им полностью овладевали. А что касается иностранного языка они имели перед нами преимущество, потому что они очень хорошо овладевали немецким, потому что идиш и немецкий очень близки. У нас в школе был драматический кружок на русском языке, на еврейском языке ничего не было. Дети там ставили «Борис Годунов», были хорошие руководители. Показывали в основном в школе. Было хорошее музыкальное воспитание. Заведующая канцелярией была пианисткой, и она с нами проводила уроки музыки и рассказывала о опере, как строиться опера, что такое увертюра, и всё изображала игрой на рояле. Поэтому мы имели определённое представление о музыке.

Сам директор школы, Зиновий Аронович Кисельков, прекрасный педагог и музыкант. Он был один из воспитателей знаменитого скрипача Яши Хейкица. Яша Хейкиц, когда приехал в 1934 году из Америки в Ленинград, он посетил его, и, возможно, это явилось одной из причин репрессии по отношению к Зиновию Ивановичу. В 1939 году его арестовали, истязали в Крестах, когда его отпустили

он вскоре скончался, но он никого не предал, ни на кого не наговорил. Он был замечательный человек. Я помню, как он выступал на наших памятных вечерах в школе. Он выступал и играл на концертино, маленькая гармошка, он очень хорошо играл. Он был очень музыкальный человек. Он участвовал в экспедициях по сбору еврейского фольклора. И эти записи, на валиках это было записано, типа фонографа, он ездил и записывал еврейские песни. Они долго хранились. Потом их отправили из Ленинграда в Киев, где они были уничтожены. Это было после войны, когда начались нехорошие действия в отношении евреев. Это начало 1950 годов. Это, конечно, большая утрата, много еврейских песен было там.

Когда Зиновия Ароновича репрессировали в 1939 году, я ещё учился, на его место был поставлен Коровьев Александр Иванович. Он был по национальности осетин. Он преподавал у нас математику. А Зиновий Аронович, кроме того, что был директором, он тоже очень хорошо преподавал математику. И его жена, Гута Григорьевна, тоже вела математику начальных классов.

Моя старшая сестра ещё до меня начала учиться в этой школе. Она её закончила. А младшая сестра уже училась недалеко от дома, на Съездовской линии Васильевского острова, бывшая Кадетская. Она не пошла в нашу школу видимо потому, что та была ближе к дому.

Муж моей тёти, Кусейд Абрамович Левин, он меня водил в синагогу пару раз, я видел, как идёт служба, мне очень понравилось. Но в общем то в школе, хотя она еврейская, проводилось, как и во всех школах, атеистическое воспитание, и нас накануне праздника настраивали отрицательно к этому празднику. Говорили что это пережитки, предрассудки, не надо участвовать в этом празднике. Но мы с удовольствием ходили к дяде, не родной дядя, но мы к нему даже ближе были, чем к тётке. Он отмечал все эти праздники, все эти столы, обряды и молился тут же. И мы присутствовали при этом с интересом, и я и сёстры. Они очень любили нас принимать. Детей у них не было.

К сожалению, я не видел никого из братьев и сестёр своего отца. Они были за границей в Литве. А брата матери и её старших сестёр я видел. Брата матери, которого звали Исаак, я видел только однажды. Он был у нас дома. Сестру матери Рахиль, она жила в Финляндии, приезжала к нам повидаться, я тоже видел однажды. Она была похожа на свою маму, мою бабушку. Приятная женщина. Но я не думаю, что она была глубоко религиозная. Фамилия её была Беспрозрачная. Было у неё 2 детей, дочь и сын. Сын потом стал довольно известным финским художником. Её муж был еврей Беспрозрачный. Они имели шляпное производство, потом они имели торговлю мехом. Приезжал несколько раз в Ленинград по делам.

Мама сперва поехала к своей старшей сестре Рахиль в Выборг, где у них была какая-то мастерская. И там она училась шляпному делу. И потом, видимо в 1917 году переехала в Петроград на заработки. Она жила отдельно, потом они встретились с папой и поженились. Мама и папа не состояли ни в каких политических движениях, хотя папа видел Максима Горького, слышал его выступления и положительно отзывался о Горьком и о ком-то ещё из известных людей.

Старшая сестра после окончания школы начала учиться в Институте иностранных языков, но по состоянию здоровья вынуждена была оттуда уйти. Всю войну она вместе с родителями и младшей сестрой была в Ленинграде, служила в Гидрометслужбе Балтийского военно-морского флота. Она сперва выполняла несложную работу техника-метеоролога, видимо были какие-то чертёжные работы. Потом её подготовили, и она работала там техником-метеорологом. Она вышла замуж примерно в 1950 году за Смирнова Елеазара Александровича. У него мать была еврейка, Бася Борисовна, а отец был русский. И мать и отец были коммунистами, участвовали в революционном

движении. Отце в конце 1930 годов был директором завода и был репрессирован. Потом его реабилитировали. У сестры была обычная свадьба, не еврейская, я был тогда в армии и не мог на ней присутствовать.

У них не было детей. Они жили очень дружно, она его обожала, он тоже очень хорошо к ней относился. Они жили у него на квартире, сначала на улице Дзержинского, потом на Малой Охте вместе с его матерью. Были отличные отношения между всеми тремя. Он окончил Инженерно-экономический институт, он был экономист-плановик и работал в Проектном институте, который проектировал знаменитые сибирские газовые магистрали. И ездил туда в командировки. Он умер на год раньше Хаси, в 1988 году. Во время Холокоста он с матерью были эвакуированы. Они похоронены на еврейском кладбище. Я ухаживаю за их могилами, там семейное захоронение: Бася Борисовна, его мать, Елеазар Александрович и моя сестра Хася Сара. Там, правда в другом месте, захоронена моя тётя, мамина сестра, и её муж. На похороны пригласили человека, служителя синагоги, который исполнил молитву. А дядя даже одно время работал на кладбище, так там синагога всё устроила. Но он был похоронен во время войны, он умер от голода. Это дядя Кусей, муж старшей сестры.

Младшая сестра Лия родилась в 1926 году. Она вместе с родителями осталась здесь в блокаду. Во время войны она окончила 9 класс, а после войны трёхгодичные курсы английского языка на переводчика. Во время войны она работала в Гидрометслужбе Ленинградского фронта, а после войны работала в Гидрометслужбе Балтийского флота. Хася работала в Гидрометеорологической обсерватории, а Лия непосредственно в Гидрометслужбе. И она недавно, буквально только несколько лет назад, вышла на пенсию. То есть она долго не выходила на пенсию, очень долго работала. Но по состоянию здоровья уже ей надо было уходить. Она всё время работала радистом.

Замуж она вышла в 1950 году, муж – Китайчик Рувим Борисович. Он имел среднетехническое образование, был техник по санитарно-техническому оборудованию. И он работал в основном в котельных по обслуживанию санитарно-технического оборудования. Он сейчас жив, пенсионер. У них 2 детей, старшая сестра Изабелла и сын Яков. Оба они получили инженерное образование и сейчас работают в качестве инженеров. У каждого из них есть ребёнок. У Изабеллы сын Борис, учиться в Электротехническом институте, а у Яши девочка, школьница. Живут они отдельно, каждый в своей квартире.

Я закончил десятилетку в июне 1941 года. Как раз вскоре началась война. Но перед этим я хотел потупить в Высшее военно-учебное заведение. Мне казалось, что в армии хорошая обстановка, большой порядок, а я считал, что я несколько ленюсь, хотя я закончил школу отлично, но хотел изжить некоторые свои недостатки. Но возможности у меня были ограниченные, у меня была сильная близорукость, и я не смог пойти в Техническое училище, а в Военно-медицинскую академию я подал заявление вместе со всеми свидетельствами о состоянии здоровья. Но, когда меня в начале войны вызвали на медицинскую комиссию, там «по глазам» сразу забраковали. И после этого я пошёл в школу, помогал эвакуировать младших детей, потом нас направили на рытьё противотанковых рвов где-то в районе Луги. И в июле 1941 года меня вызвали в военкомат и направили в Зенитное училище, где по глазам я проходил, конечно, ещё хуже, чем в Военно-медицинскую академию.

Призвали меня, довольно интересная дата, 21 июня 1941 года. И, когда нам на призывном пункте читали лекцию о международной обстановке, лектор сказал, что у нас с Германией хорошие отношения. А на следующий день, когда я с товарищем поступал в военное училище, готовились к экзаменам, мы услышали что, началась война. В августе 1941 года наше училище эвакуировали. Мы даже не знали, куда мы едем. Нас погрузили в эшелон вместе с нашей техникой и отправили в Омск. В Омске в этом училище я был до сентября 1942

года, нас выпустили и отправили на Кавказ. Кавказ уже был отрезан, и нас направили туда через Сибирь и Среднюю Азию через Каспийское море на танкере ночью. Там, в Бакинской армии ПВО я и прослужил до конца войны. Это противовоздушная оборона Баку, главного источника нефти для нашей страны. Нас держали в боевой готовности буквально до 9 мая 1945 года. Мы всё время несли там боевое дежурство.

И в училище и в армии, в ПВО, были евреи, но как-то не было такого большого различия между евреями и офицерами других национальностей. Были совершенно нормальные отношения. Национализма не было. А среди наших подчинённый был полный интернационал, потому что были люди в основном из Кавказа, это украинцы, белорусы, русские, азербайджанцы, армяне, грузины. Никаких различий не было. Хотя какие-то отголоски были между армянами и азербайджанцами, но никто не проявлял этого. Единственно к нам попал один преступный мальчишка из Армении, который убежал в армию, чтобы скрыться от суда, а потом устроил самострел себе, он почему-то боялся азербайджанцев. В Баку был целый огромный район, Арменюкент, где армян было гораздо больше, чем в Нагорном Карабахе. Никаких антагонизмов не было.

Мы переписывались с семьёй. Однажды, ещё до конца войны, Военно-морское училище Дзержинского, которое было эвакуировано в Баку возвращалось в Ленинград, я передал с ними небольшую посылочку, дошло нормально. Там были какие-то консервы, которые я откладывал со своего офицерского пайка. Всего таких передач было 2. Незнакомые люди совершенно честно передали. И ещё одна передачу я отправлял через почту, и одна женщина азербайджанка, она, даже когда работа почты кончалась, она отправила посылку после закрытия, без всякой квитанции, посылка дошла.

В блокаду мама, папа и сёстры, конечно, сильно голодали. Они рассказывали, как они питались, иногда ели кошек, иногда солярный клей варили, но спасло их то, что сёстры работали в военных учреждениях как вольнонаёмные, и там они получали определенный паёк. Отец получал паёк как рабочий фабрики, но уже меньше. И они все вместе делились. Мама болела цингой, у неё выпали почти все зубы, здоровые зубы были, её «поднять» смогли только потому, что отцу каким-то образом удалось достать мясо. Её кормили куриным бульоном и как-то подняли на ноги. А так есть фотография, очень плохо выглядит.

Они не эвакуировались, наверное, потому, что отец работал на фабрике Горького, а её не эвакуировали, поэтому не было с кем эвакуироваться. И они надеялись, что Ленинград не сдадут. И они всё это время жили в коммунальной квартире, в 2 комнатах.

Потом, когда старшая сестра вышла замуж, она жила у мужа. Младшая сестра с мужем построили кооператив, это было в 1960 годах. Оставшиеся жильё они смогли обменять для моего отца и старшей дочери сестры, смогли обменять на квартиру, но отец в это время умер при операции, и поселилась там старшая дочь моей сестры. А я, после того как вернулся в Ленинград, женился и жил у жены. А потом мы построили кооперативную квартиру.

С Анной Мовшевной мы познакомились на вокзале в Сочи. Я отдыхал на Кавказе, в то время служил на полигоне, и отдыхал в Сочи. Хотел отправить фруктовую посылку для своей старшей сестры в Ленинград. Как раз на вокзале я случайно встретил свою будущую жену и с ней отправил посылку. Вот так началось наше знакомство. А потом она оставила адрес, мы стали переписываться, мы познакомились с ней лучше, чем на вокзале, она оказалась еврейкой, она, кстати, была непохожа на еврейку, я не знал, что она еврейка. А потом я пригласил её к себе в городок, где я жил в районе полигона, это Капустин Яр. Она была у меня там небольшое время. А потом я приехал в отпуск в Ленинград и мы поженились. Кухня на свадьбе была еврейская, но еврейских

обычаев на свадьбе мы не соблюдали, хотя были и старшие родственники, которые знали еврейские обычаи, он обрядов не было.

Сын родился в 1960 году. Задержались с этим, потому что жена сначала была занята своей диссертацией, защитой, потом у неё было тяжело больна мама. Несколько лет мы, уже будучи женаты, жили порознь, я – на полигоне, она – в Ленинграде. А уже потом, когда я перевелся в Ленинград, решили что уже пора.

Отец Анны Мовша Виханский был по специальности винокур. Они родом из Кустошки, Псковская область. Мать была очень умная женщина, но условия жизни не позволили ей получить образование, она имела только 4 класса начальной школы, но была очень грамотным, умным и рассудительным человеком. У них с мужем было 2 дочерей: старшая Агнесса и моя будущая жена Анна. Большой религиозностью не отличались. Из Псковской области они попали во Ржев, там родилась Анна, Агнесса родилась ещё в Кустошке. А перед войной они переселились в Ленинград, там был брат Аниной мамы Давид Мендалевич Виханский, он работал коммерческим директором металлического завода. Был довольно способный инженер. До войны они все жили в одной комнате. Отец жены во время НЭПа имел какую-то торговлю, и потом его репрессировали и даже не давали жить вместе с семьёй в Ленинграде. Но во время войны они как-то воссоединились и были эвакуированы с Ленинградским Оптико-механическим заводом, где работала старшая дочь. Их эвакуировали в Казань, а Аню послали на какие-то работы в Вологодскую область. Отец потом поехал за ней и привёз её в Казань, но по пути он заразился сыпным тифом и умер там в Казани.

Время «дела врачей» был тяжёлый период, потому что этим определялось дальнейшее наше продвижение. Когда я заканчивал академию в 1952 году, тогда нас, лиц еврейской национальности, распределяли не по нашим желаниям и склонностям. Я, Кручинетский, Лин, это всё из нашей группы, нас направили на зенитно-ракетный полигон в Капустный Яр, это полупустыня, сухая степь. Там надо было пускать ракеты, а ракеты можно было пускать только в малонаселённом районе. Мы даже не знали, куда нас направляют. Нас, когда приглашали на собеседование, сказали: «это часа 3-4 от Москвы», он не сказали, что самолётом. Такой хитрый ход. Но у нас и выбора не было. Я прослужил там 6 лет и хотел перебраться в Ленинград, потому что там жена. Но было трудно перевестись. Это опять вопрос перевода, видимо национальность сказывалась.

Пока я не побывал в Израиле в 1990 году у меня не было истинного представления об этом государстве, потому что наша пропаганда односторонне освещала это государство. Но, когда я там был и своими глазами увидел, что это за государство, то, конечно, отношение существенно изменилось. Я ездил к своим двоюродным братьям, Моисею и Ицхаку по их приглашению. И благодаря им я много там увидел, мы побывали во многих местах, я видел и Иерусалим, и Тель-Авив, был в городе, где живут мусульмане, черкесы и видел поселения бедуинов. И увидел, что эти люди, исповедующие ислам, мусульмане, они пользуются всеми правами граждан Израиля и живут в хороших условиях, а также служат в израильской армии и защищают интересы государства. То есть никаких антагонизмов у них с населением Израиля нет. И сейчас у черкесов и бедуинов никаких антагонизмов с евреями в Израиле нет. Наоборот, у бедуинов антагонизм в отношении палестинцев, потому что они не согласны со многими действиями и образом жизни палестинцев. А бедуины это скотоводы, это труженики. Хотя, казалось бы, все эти люди, они семиты, и в принципе нет «биологической», расовой основы для вражды. То есть вопрос воспитания.

В общем-то, я остался светским человеком, но сейчас я участвую в изучении еврейской истории. Я имею связи с Московским институтом иудаизма, получаю их литературу и отвечаю им для обратной связи. Меня интересует

история еврейского народа, вместе с тем и история Торы. Так что я изучаю эту историю и отмечаю праздники. Я считаю, что всё это важно для сохранения национальных традиций и образа народа и это большое дело, благодаря которому народ сохранился. Праздники мы отмечаем дома, но такого строгого соблюдения всех правил нет. Мы едим мацу. Это было всегда в какой-то степени, но большей частью это было, когда мы встречались с родственниками, с двоюродным братом, когда ХЭСЭД начал функционировать, получаем еврейские календари с датами праздников. Нам это нравится, это дисциплинирует и напоминает о том, когда что надо делать.

Михаил женат, жена русская, у них 2 дочери. Они не увлекаются иудаизмом, но он относится положительно к истории еврейского народа. Его друзья и соученики соблюдают все еврейские традиции, сейчас работают в Израиле, очень способные программисты Казаковы. Они уехали в солидном возрасте, лет к 30.

Фотография 1 это муж сестры бабушки Хаси. Бабушка Хася это моя бабушка по материнской линии. Снимок сделан в Выборге. Фотограф Индурский. Обе фотографии сделаны в одно и то же время.

Третья фотография это моя мама. Снимок сделан в 1920 годах.

Фотография 4, крайняя слева – моя старшая сестра Хася, рядом с ней моя младшая сестра Лея, внизу, крайняя слева мама и справа папа, часовых дел мастер. Это плакатная фотография, 1942-1943 год.

Фотография 5, 1939 год, мама до войны. Фотография с документа, мама работала в шляпном магазине.

Фотография 6, это старшая сестра мамы Ревека, по мужу Левин. Её муж, очень религиозный человек, который пытался меня воспитывать.

Фотография 7, это моя фотография в период обучения в Военной академии, приблизительно 1950 год.

Фотография 8 сделана без меня, я здесь не присутствую. Крайний слева отец, женщина за ним – жена моего двоюродного брата Моисея Муссель Пейся, Полина. Дальше стоит Мара, дочь двоюродного брата, дочь Моисея и Пейси. Перед Моисеем, ближе к нам, стоит Яков, крайний справа на переднем плане. У памятника – моя сестра Хася. Мужчина в берете – двоюродный брат Моисей. Здесь вся семья Моисея и отец с моей сестрой. Это памятник на месте расстрела евреев, жителей города Зарасай. Это почти всё население города, которое было в основном еврейское. Памятник был установлен на средства евреев в 1960 годы. Это обелиск, и метров на 100 в две стороны холмики справа и слева, где покоятся убитые. Я был там в 1960 году и говорил после этого с секретарём райкома партии. Это место требовало определённого ухода. Когда я был там, я немножко убрал. Но мы наблюдаем такое неприятное явление, есть люди, которые пытаются разрыть эти рвы и искать, нет ли ценностей. Поэтому мы договорились, что это всё забетонируют.

Кроме того, у меня был разговор насчёт музея. В Зарасае есть музей, в основном посвящённый Марии Мельникайте, это партизанка, герой советского союза. Её родители посидели потом в доме, который принадлежал бабушке и дедушке по материнской линии, у них был хороший дом, ключ с хорошей целебной водой, их посадили там. У меня где-то записан адрес этого дома. Я, когда был там, это был уже коммунальный дом, это большой дом. Этот дом принадлежал дедушке раввину, а после его смерти там жили его дети. Но их убили в это же время.

Я могу добавить, что в школе мы воспитывались как интернационалисты, у нас было положительное отношение с Биробиджаном, с ним наша школа вела переписку, посылали туда культурные посылки, книги. После 1938 года, когда школа стала общей, небольшое количество детей были русские, никаких антагонизмов не было. Учителя оставались те же. Более того, я помню что в 1930 годы никаких антагонизмов между русскими и евреями не было, было даже модно, русские девушки выходили замуж за евреев и еврейские девушки выходили замуж за русских, всё было нормально. Было интернациональное воспитание. Если где-то потом это перешло в антисемитизм, то мы этого не чувствовали.

Я был октябрёнком, пионером и комсомольцем с 14 лет. А потом, после комсомола, и в партии. Не было плохого отношения, были хорошие люди и плохие люди. Я помню как наш соученик, вместе были на полигоне, оказался подлецом. И он «зарубил» карьеру одного нашего сослуживца. Был такой русский, Солдатенков Игнат Кузьмич, труженик, замечательный, честный человек. И он «утопил» его. Не потому, что это был русский, не еврей, потому, что этот человек наш был подлецом. А на полигоне было мало евреев, а главным инженером полигона был еврей, Троегуб Яков Исаевич. И первым конструктором зенитных управляемых ракет был Лавочкин, знаменитый авиационный конструктор, тоже еврей. Так что в этом отношении всё было нормально.

Справа от Кисельгофа Домнич Марк Давыдович, преподаватель истории. Это завуч Иохильчук Лев Маркович. Это рядом с ним моя сестра Хася.

Здание школы внешне не изменилось.